

УДК 299.512

В.П. Кузин, доцент, канд. филос. наук*Севастопольский национальный технический университет**ул. Университетская 33, г. Севастополь, Украина, 99053***ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ПЕДАГОГИКА КОНФУЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Анализируются педагогические взгляды Конфуция и их исторические судьбы, дается сравнительная характеристика качеств совершенной личности в конфуцианстве и даосизме

Передаю, а не создаю.
Верю в древность и люблю ее.
Конфуций

В 1979 году китайское руководство во главе с Дэн Сяопином объявило стратегической целью государства построение социализма с китайской спецификой. Для ее реализации, по словам Дэна, должно быть взято все лучшее, что есть у социализма и капитализма, ибо «не важно, какого цвета кошка, лишь бы ловила мышей» [1, с. 25]. В качестве ближайшей цели Дэн Сяопин провозгласил достижение к 2000 году уровня общества «сяо кан» («общество малого благоденствия») [2, с. 10]. По версии главного научного сотрудника института востоковедения РАН А. Кивы, сяо кан – «общество средней зажиточности» – должно быть построено к 2020 году [1, с. 26].

Понятие «сяо кан» было введено в оборот еще Конфуцием и является его первой социальной утопией (вторую социальную утопию китайского мыслителя «Да тун» – «общество великого единения» – пытался реализовать «зачинатель демократической революции в Китае» Сунь Ятсен) [2, с. 10; 3, с. 501, 521].

Уже через десять лет после начала реформ Китай полностью обеспечил более чем миллиардное население страны продовольствием и даже стал его экспортировать. С 1979-го по 2005 год китайский внешнеторговый оборот вырос в 70 раз. В 2007 году он составил 2017 млрд. долларов, и по этому показателю Китай вышел на третье место в мире. Более 90 % его экспорта – это продукция обрабатывающей промышленности и высоких технологий. Золотовалютные резервы КНР в 2007 году достигли 1520 млрд. долларов (первое место в мире). Если нынешние темпы развития Китая сохранятся, то в 2020-х годах он выйдет на первое место в мире по объему ВВП [1, с. 23, 24, 25].

Приведенные цифры показывают, что Конфуций, сторонник «золотой середины» и меры во всем был не столь уж и утопичен.

По словам А. Кивы, «нравственные императивы Конфуция, Лао-цзы и других великих китайских мудрецов глубоко вошли в архетип народа – в его коллективное бессознательное, выработали этику поведения, достойную подражания...». Российский историк высказывает предположение, что этика конфуцианства и такие заветы Лао-цзы, как «прежде чем делить, надо также умножить, прежде чем взять, надо дать», удержали китайское общество от несправедного передела общенародной собственности [1, с. 23].

Традиции китайской философии и прежде всего конфуцианства, легли в основу политической и нравственной культуры страны, системы ее образования. По-прежнему актуальны гуманистическая педагогика Конфуция и культ учебы, провозглашенный им, ибо современный уровень развития общества требует непрерывного образования и постоянного обновления знаний.

В 1987–1988 годах Институт социологии Народного университета (Пекин) провел широкомасштабное обследование системы ценностей жителей КНР. В тринадцати провинциях и городах Китая было опрошено более 1800 человек из различных слоев и групп. Из четырнадцати «основных качеств личности», получивших положительную оценку, восемь восходят к конфуцианской системе ценностей. Это такие качества, как трудолюбие и бережливость, гуманность, сыновья почтительность, совесть, интеллект, приверженность середине, преданность, рыцарство. Далее по убывающей шли качества, более характерные для западного общества: прагматизм, утилитаризм, личные достоинства (частная мораль) и др. [2, с. 9–10].

Интерес к Конфуцию и его учению не ослабевает на протяжении уже более двух тысячелетий, причем не только в Китае, но и во многих других странах мира. Не является исключением и наше время. Только за последние десятилетия к исследованию различных аспектов конфуцианского учения обращались известные китайские конфуциеведы Ян Шуда, Цянь Му, Се Биньин, Цу Сею, Ли Си, Ян Боцзюнь и др., подготовившие новые переводы книги «Лунь юй» («Беседы и суждения» Конфуция) с подробными комментариями и толкованиями.

На русский язык «Лунь юй» переводили и комментировали текст этой книги Л.С. Переломов, Председатель Российской секции Международной Конфуцианской Ассоциации, академик В.М. Алексеев, В.В. Малявин («Афоризмы старого Китая». — М., 1991), И.И. Семенов («Конфуций. Я

верю в древность». — М., 1995), Л.И. Головачева («Беседы и суждения Конфуция» // Рубеж. — 1992. — № 1) и др.

В 1999 году в Санкт-Петербурге была издана книга «Беседы и суждения Конфуция» в русских переводах XIX-XX веков [4]. В 2000 году знатоки Востока, практикующие психотерапевты супруги Симпкинс опубликовали книгу «Конфуцианство», в которой дан обзор истории, идей и практик конфуцианского и неоконфуцианского учений (русский перевод 2006 г.) [5].

В 1992 году в серии ЖЗЛ вышла книга В.В. Малявина «Конфуций» – первый в российской литературе обстоятельный очерк жизни и мировоззрения китайского мудреца [6].

Краткое изложение учения Конфуция можно найти практически в любом учебнике по истории философии. Оно представлено в книгах «100 великих мыслителей» (2000 г.), «100 великих людей» (2001 г.), «Малая энциклопедия персоналий: 2000 великих людей» (2001 г.), «100 великих пророков и вероучителей» (2002 г.), «100 знаменитых мудрецов» (2003 г.), «100 великих гениев» (2004 г.) и др. В этих книгах нашли отражение отдельные аспекты педагогических взглядов Конфуция, однако целостного и систематического изложения этих взглядов не дано.

Целью статьи является рассмотрение основных составляющих гуманистической педагогики и нравственного учения Конфуция с учетом современных реалий.

Благодарные потомки назвали Конфуция «Учителем Десяти тысяч поколений». Многочисленные ученики при обращении к нему обязательно добавляли к родовому имени Кун слово «цзы» – «учитель». Нередко они величали своего наставника «Кун Фу-цзы» – «Почтенный Учитель Кун», в латинизированной версии – Конфуций. При рождении же он получил имя Кун Цю (второе слово означает «холм»).

О величине мудрости Конфуция свидетельствует надпись на крепостных воротах родного города философа Цюйфу, столицы царства Лу (юг нынешней провинции Шаньдун), сделанная рукой одного из китайских императоров XVIII века: «Стена в десять тысяч саженей» [6, с. 6].

Массивные каменные ворота, ведущие в знаменитый храм Конфуция в г. Цюйфу, получили звучное название: «Врата мудреца, соответствовавшего времени» («мудрецом, соответствовавшим времени», назвал философа известный конфуцианец Мэн-цзы) [6, с. 7].

Прежде чем стать учителем, Конфуций сам должен был пройти определенную школу и получить соответствующие знания. Согласно преданию, еще в детстве он отличался необыкновенной серьезностью и соединял игру с учением. Больше всего Кун Цю любил играть в обряд жертвоприношения предкам, старательно подражая в этом важном ритуале взрослым.

Прошел ли Кун Цю школьный курс обучения? Одни авторы считают, что бедность не позволила ему «поступить ни в одну из государственных школ, где готовили чиновников». Поэтому с пятнадцати лет Кун Цю «стал брать частные уроки и заниматься самообразованием» [7, с. 29].

Другие авторы, ссылаясь на предание и позднейшие источники, полагают, что в семь или восемь лет Кун Цю, как представитель аристократического рода, стал посещать публичную школу. Называют даже фамилию его первого учителя – Янь [6, с. 69].

Чему учили в таких школах? Прежде всего правилам вежливости, затем обрядам, музыке, пению, стрельбе из лука, управлению колесницей и счету. Безусловно, ученики должны были освоить и иероглифическую письменность, для чего требовалось несколько лет ежедневных занятий.

Охотнее всего Кун Цю занимался изучением Ли (правила поведения, этикет), обрядов и словесности.

В пятнадцать лет одаренные ученики поступали в высшую школу. По одной из версий, в их числе был и Кун Цю. Своим прилежанием, скромностью и огромным желанием учиться он заметно отличался от своих товарищей по школе и в семнадцать лет был назначен помощником учителя, известного в Цюйфу ученого и государственного чиновника Пинг-Чунга.

По каким книгам учились во времена юности Конфуция? Книг в собственном смысле слова тогда еще не существовало. Их заменяли связки бамбуковых планок, прошитых кожаными шнурами. Единый свод канонических текстов также еще не сложился. Прежде всего молодые чжоуские аристократы должны были изучить «Шу-цзин» – «Книгу документов» или «Книгу истории», представляющую собой записи о деяниях великих царей древности и культурных героев, начиная с первопредка, змееподобного императора Фуси (букв. «Укротитель быков»).

Из этой книги Конфуций вынес любовь к древности, в которой он видел золотой век Китая. Легендарные цари-мудрецы Яо, Шунь, Юй (III тыс. до н.э.), а также основатели династии Чжоу (XII в.), особенно первый правитель удела Лу Чжоу-гун, стали для него яркими примерами идеальных правителей.

Яо водворил порядок и мир в своих владениях, был «благочестив, умен, воспитан и сдержан вел себя добропорядочно и никому не причинял огорчений». Он добровольно уступил правление бедному крестьянину Шуню, сочтя его более достойным мужем [6, с. 72]. Согласно Конфуцию, «Яо стал использовать особые ритуалы и музыку для правильного формирования личности» [5, с. 16].

Шунь был всегда учтив, добр, великодушен, честен и мудр.

Юй, ставший основателем династии Ся, сумел избавить страну от наводнений, создав общую мелиоративную систему [5, с. 16].

Чжоу-гун стал для Конфуция олицетворением мудрости династии Чжоу и местных традиций луских правителей, а также примером для подражания.

Главная тема «Шу-цзин» – этика и добродетельное управление государством – стала одной из ведущих как для самого Конфуция, так и для его учеников и последователей, многие из которых стали видными государственными чиновниками.

Вторая книга, которая в обязательном порядке изучалась будущими чжоускими чиновниками, называлась «Ши-цзин» («Книга песен») – самый ранний памятник китайской поэзии, который историки считают аутентичным. Многие песни и гимны из этой книги Конфуций еще в детстве слышал от слепых музыкантов. По словам В.В. Малявина, в этой книге юный Кун Цю «открыл для себя жизнь человеческой души, эмоциональное воплощение нравственных идеалов своей традиции – преданности старшим, верности другу, любви к родине, заботы о чести» [6, с. 74]. Кроме того знание песен формировало вкус и было важной частью салонного красноречия. Наконец, над песнями можно было размышлять, поскольку их символический язык требовал истолкования.

Вот одно из стихотворений «Ши-цзин», выражающее суть конфуцианского учения:

Я лишь малое дитя,

Не ведающее, как быть благочестивым

(исполняя свой долг);

Я научусь твердо держаться света знания,

Пока не достигну яркого разума.

Помогите мне нести сию тяжелую ношу

И укажите мне, как стяжать добродетель

[Цит. по: 5, с. 18].

Как и все дети знатного происхождения, Кун Цю учился петь песни из «Ши-цзин». Делать это надо было под аккомпанемент, предписанный древними правилами. По мнению Конфуция, посредством музыки мудрец воспитывает в себе сдержанность и постигает сокровенный смысл «чистого звучания яшмы» [6, с. 97]. Наиболее величественной и глубокой он считал изысканную музыку царства Чжоу.

Сохранился рассказ о том, как двадцатидевятилетний Конфуций учился игре на Цинь (семиструнная лютня) у старого музыканта Ши Сяна. Получив задание разучить мелодию, Кун Цю десять дней работал над его выполнением. Учитель остался доволен игрой начинающего музыканта, но тот попросил еще несколько дней для отработки ритма. Затем он сказал Ши Сяну, что еще не может должным образом передать настроение песни. Когда Кун Цю научился делать и это, ему захотелось понять, кто был человек, сочинивший данный напев. В совершенстве усвоив мелодию, ритм и настроение песни, будущий философ сумел разглядеть за ними не только внешний вид создателя музыки, но и назвать его имя. Изумленный учитель отвесил низкий поклон своему настойчивому ученику [6, с. 98–99].

Этот рассказ, даже если он и не в полной мере соответствует исторической правде, хорошо передает подход Конфуция к исследованию любого предмета, его стремление понять суть вещей, увидеть за произведением жизнь его автора. Такой подход станет основой педагогической деятельности Учителя Куна.

О своих школьных годах Конфуций практически ничего не сообщает. Уже на закате жизни престарелый учитель обозначит рубеж, ставший отправной точкой всей его последующей деятельности: «В пятнадцать лет я обратил свои помыслы к учению...» (Лунь юй. 2, 4). Ненасытную страсть к учению Конфуций сохранил до последних дней своей жизни, считая эту страсть едва ли не главным своим достоинством: «Никто не сравнится со мной в любви к учению» (Лунь юй. 5, 28). Он оставил немало конкретных рекомендаций о том, как следует учиться. Вот некоторые из них:

- начинать с малого;
- проявлять прилежание и настойчивость в учебе;
- многое слушать и наблюдать, но выбирать лучшее и следовать ему;
- учиться без пресыщения;
- в любви к учению опираться на искреннюю убежденность;
- «Учитесь так, как будто вы не в состоянии достичь знаний, словно вы боитесь их потерять»

(Лунь юй. 8, 17);

- не бояться исправлять свои ошибки;
- расширять знания, не хвастаясь перед другими;
- учиться и время от времени повторять изученное;
- вовремя применять полученные знания на практике;

– «Учиться и не размышлять – напрасно терять время, размышлять и не учиться – губительно» (Лунь юй 2, 15);

– «Увлеченность чужими суждениями приносит только вред» (Лунь юй. 2, 16).

– «Встретив достойного человека, стремитесь с ним сравняться» (Лунь юй. 4, 17).

Когда Конфуций приступил к преподавательской деятельности? На этот вопрос также нет однозначного ответа. Одни авторы считают, что учить он стал уже в 22 года [5, с. 23], другие – в 30 лет [6, с. 123]. Сам Конфуций говорит, что в 30 лет «обрел самостоятельность» или в переводе В.В. Малявина, «прочную опору» (Лунь юй. 2, 4). Он стал создателем первой в Китае частной школы.

Чему учили в этой школе? Биограф Конфуция историк Сыма Цянь сообщает, что здесь преподавались песни, предания, ритуалы и музыка. Обучение велось по четырем разделам: ученость, поступки, честность и преданность [8, с. 440].

Став учителем, Конфуций постоянно продолжал работать над совершенствованием своего образования. Много времени он посвящал изучению Ли и стал известен как человек, в совершенстве знающий ритуалы, обряды, правила этикета и неуклонно следующий им даже в повседневной жизни. «Всего же Конфуций точно исполнял 300 обрядов и 3000 правил приличия» [9, с. 31] и настойчиво обучал им своих учеников. Обучал прежде всего личным примером, толкованием исторических источников, разъяснением через примеры из жизни достойных людей прошлого.

Наиболее прилежные ученики фиксировали высказывания Конфуция, чтобы затем в беседе уточнить непонятное. В «Лунь юе» вопросы учеников многократно повторяются и почти всегда учитель дает на них различные ответы, чтобы обсудить предмет с различных сторон, выяснить различные детали и тонкости, которым он всегда придавал большое значение.

Кто учился в школе Конфуция? Прежде всего будущие чиновники, среди которых были и потомки аристократических родов. Безусловно, учились здесь и выходцы из простых семей, которые могли расплатиться за обучение лишь «связкой сушеного мяса» (Лунь юй. 7,7). Всего же, по свидетельству историка Сыма Цяня, Конфуций обучил более 3000 учеников.

Были ли какие-то экзамены при поступлении в школу? Нет, но индивидуальная беседа с учителем все же имела место. Иногда она была достаточно длительной, как в случае с одним из первых учеников Конфуция, вспыльчивым и честолюбивым Цзы Лу, который хотел убедиться, что может научиться здесь чему-то полезному [10, с. 47–48].

На кого, по мнению Конфуция, не стоит тратить время? Прежде всего на тех, кто сам не стремится к достижению знаний. Во-вторых, на тех, «кто не в состоянии по одному углу [предмета] составить представление об остальных трех...» (Лунь юй. 7, 8). Он неоднократно повторял, что считает годным к обучению только тех, кто с полным напряжением сил стремится постичь Дао (путь), осознает необходимость учиться и умеет самостоятельно мыслить.

Каким остался Конфуций в памяти учеников? Он был ласков, нередко называл их своими детьми, и в то же время строг, «внушитель, но не свиреп, полон почтительности и покоя» (Лунь юй. 7, 38). Учитель не вдавался в пустые размышления, никогда не был категоричен в своих суждениях и прислушивался к мнениям учеников (в «Лунь юе» упоминаются имена 22 учеников). Он не проявлял упрямства и не думал о себе лично, в жизни, в быту и странствиях был очень непритязателен. Нередко Конфуций играл на лютне и пел вместе с учениками. Песни, ритуалы и музыка стали составной частью его педагогической системы.

По воспоминаниям Цзы-гуна, «Учитель был мягок, доброжелателен, учтив, бережлив, уступчив...», причем не только со своими учениками, но и с другими людьми (Лунь юй. 1,10).

Несмотря на внешнюю простоту, морально-этическое по преимуществу учение Конфуция не всегда легко давалось ученикам. Один из них по имени Янь Юань честно признается: «Чем больше [я] всматриваюсь в учение [Учителя], тем возвышеннее оно кажется; чем больше стараюсь «проникнуть в него, тем тверже оно оказывается». Янь Юань даже хотел отказаться от постижения учения Конфуция, но уже не смог этого сделать (Лунь юй. 9, 11).

Занятия в школе Конфуция мало походили на привычные для нас школьные или вузовские уроки и лекции. Во-первых, ученики приходили в дом учителя на целый день, а некоторые жили там постоянно. Во-вторых, не было зачетов, экзаменов, не было даже специально отведенных часов для занятий. В-третьих, Конфуций не читал лекции, а его беседы, размышления, суждения очень коротки и фрагментарны, нередко афористичны. Как правило, вызваны они вопросами учеников или какой-то конкретной ситуацией. Изредка учитель сам спрашивал учеников.

Постоянной спутницей занятий была музыка. Иногда они проводились во дворе или за городом на прогулке, а во время странствий – практически где угодно: на пути, в поле, на реке...

Трудно согласиться с В.В. Малявиным, полагавшим что Конфуций не толковал ученикам древние книги [6, с. 126]. «Ши-цзин» («Книга песен») была отредактирована китайским философом, который из множества песен и стихов оставил только 300. Смысл отобранного можно выразить одной фразой: здесь

«нет порочных мыслей» (Лунь юй. 2, 2). Многие из этих песен и стихов Конфуций знал наизусть и иногда приводил ученикам с комментариями (Лунь юй. 3, 2, 20; 9, 27, 31 и др.).

В последние годы жизни Конфуций комментировал «И-цзин» («Книгу перемен») и даже говорил, что если бы имел возможность изучать ее еще 50 лет, то не совершил бы многих ошибок. Комментарии к «И-цзин» известны под названием «Десять крыльев» [5, с. 25].

Обращался Конфуций и к «Шу-цзин» («Книга истории»), о чем свидетельствуют его примеры из древней истории, приводимые ученикам (Лунь юй. 17, 16; 18, 8 и др.), а также прямая ссылка на эту книгу (Лунь юй. 2, 21).

Конечно, не комментарии, не толкования и даже не знания были главным в учении Конфуция. Главное, чему учил он каждого из своих учеников – это быть Человеком, Личностью. Именно человеческое, личностное начало старался прежде всего выявить и развить Конфуций. Для этого он указал своим ученикам достойную цель – идеал «благородного мужа» («цзюнь-цзы»), противопоставив ему в качестве антипода «низкого человека» («сяо жэнь»). «Благородный муж» должен обладать двумя главными качествами: «жэнь» (гуманность, человеколюбие, сострадание) и «вэнь» (воспитанность, образованность, культурность в сочетании с любовью к учению).

Термин «жэнь», введенный Конфуцием, является ключевым в его учении. Не случайно в «Лунь юе» данный термин встречается 109 раз. По словам А.А. Гусейнова, это многозначное понятие включает все положительные нравственные качества и нормы достойного поведения. Это человеческое начало в человеке, его долг и программа деятельности [11, с. 30].

Конфуций соотносит понятие «жэнь» не только с отдельным человеком, но и социумом, а также всем универсумом, представленным Тянь (Небом), создавшим мир на основе определенных законов. Законы Неба непреложны и должны неукоснительно соблюдаться всеми. Подобные законы есть (или некогда были) и в человеческом обществе. Их корни – в традициях минувшего, в опыте народа, его истории. Их необходимо восстановить (воссоздать) и тогда Поднебесная станет единым человеческим строем, где каждый найдет свое место в соответствии с именем (социальным статусом).

Человек сможет жить по законам Неба лишь при одном условии – если он будет обладать жэнь, ибо человечность, гуманность создает все. Именно жэнь является моральной основой, нравственным законом, определяющим отношения и в семье, и в обществе, и в государстве (большой семье). А.А. Гусейнов образно назвал жэнь «душой социума» [11, с. 33].

Каким образом можно стать человеком, обладающим жэнь? Конфуций неоднократно разъясняет это своим ученикам. Прежде всего нужно хотеть быть человеколюбивым и тогда «човеколюбие приходит» (Лунь юй. 7, 30). Следует также сближаться с людьми, обладающими жэнь, и учиться у них. Необходимо постоянно воплощать жэнь в своих делах и поступках, даже если ради этого придется пожертвовать своей жизнью (Лунь юй. 15, 9). Наконец, нужно научиться «любить людей» (Лунь юй. 12, 22). Для этого в отношениях с ними следует руководствоваться всего одним словом, и это слово – «взаимность. Не делай другим того, чего не желаешь себе» (Лунь юй. 15, 24).

Принцип, сформулированный Конфуцием, является одним из вариантов «золотого правила нравственности». Христианские богословы, сравнивая его с версиями, представленными в Евангелиях от Матфея и Луки («...во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, поступайте и вы с ними...». – Мф. 7:12; Лк. 6:31), называют это правило «серебряным», ибо оно не призывает творить добро, а всего лишь отвращает от зла [см. 5, с. 29, 84–85].

Согласно Конфуцию, человеколюбие для людей «важнее, чем вода и огонь», там, где оно царит – прекрасно (Лунь юй. 15, 35; 4, 1).

Неоконфуцианцы дали новое толкование понятию жэнь. По их учению, человеческая природа находится в единстве со всей Вселенной. Жэнь – это «положительный вклад человечества в вечно меняющийся космос» [5, с. 82–83]. Важнейшим способом реализации жэнь является сяо – «сыновья почтительность» к родителям, уважение старших братьев, преданность правителю. Сяо – это «краеугольный камень китайской культуры» [5, с. 82]. Не случайно широкой популярностью у китайцев пользовался сборник «24 примера сяо». Вот один из таких примеров. Бедняк, продавший сына, чтобы накормить умирающую от голода мать, находит в огороде сосуд с золотом, на котором написано: «За твое сяо».

Поскольку государство, по Конфуцию, подобно семье, то управлять им следует на основе сяо. Со ссылкой на «Шу-цзин», он отвечает на вопрос ученика, почему сам учитель не занимается управлением государством: проявление сыновей почтительности, дружба «со своими братьями... и есть управление» государством (Лунь юй. 2, 21).

Вторым важнейшим способом реализации жэнь Конфуций называет «ли» – ритуал, обычаи, правила и образцы поведения, благопристойность. Термин «ли» встречается в «Лунь юе» 74 или 75 раз. Показывая значение ли, учитель говорит ученикам, что соответствие во всем требованиям ритуала – «это и есть человеколюбие». Если кто-либо сможет в течение лишь одного дня выполнять все требования ли – «все в поднебесной назовут его человеколюбивым» (Лунь юй. 12, 1).

В известном документе начала Чжоуского царства «Хуньфань» («Великий закон управления», по Конфуцию), конкретизируются некоторые требования ли на примере пяти дел.

1. Как держать себя?
– пристойно, ибо пристойное поведение создает дисциплину.
2. Как говорить?
– в соответствии с предметом разговора, что создает порядок.
3. Как видеть?
– ясно, что создает прозорливость.
4. Как слышать?
– отчетливо, что создает понимание.
5. Как думать?
– проникновенно, что создает мудрость [12, с. 1022–1023].

По мнению Конфуция, ли необходимо положить в основу управления государством, и тогда в Поднебесной воцарится порядок. Любое отступление от ритуала губительно как для отдельного человека, так и для страны в целом.

С точки зрения жэнь, ритуал значим «как практически воплощенное уважение к конкретному человеку, радость со-бытия с ним». Он позволяет осознать достоинство «человеческого существования» [11, с. 34]. Если жэнь – «душа социума», то ли – «его плоть» [11, с. 33].

Правильное постижение ли ведет к пониманию «и» – чувства долга, обусловленного знанием и высшими принципами. «И» включало такие качества человека, обладающего жэнь, как: стремление к знаниям; обязанность учиться и постигать мудрость древних; искренность; благопристойность; строгое соблюдение церемоний и ритуалов.

Человек, соответствующий жэнь, должен обладать помимо сяо, ли, и еще пятью качествами, хотя на самом деле их гораздо больше. Это: «Почтительность, обходительность, правдивость, сметливость, доброта. Если человек почтителен, то его не презирают. Если человек обходителен, то его поддерживают. Если человек правдив, то ему доверяют. Если человек сметлив, он добивается успехов. Если человек добр, он может использовать других» (Лунь юй. 17, 6).

Наряду с жэнь благородный муж должен обладать взнь. Первоначально данный термин означал «узор, рисунок». Позднее под взнь стали понимать то, что изучают, чем обогащают свой внутренний мир. По Конфуцию, предметом изучения являются Шу (история), Ши (песни), Ли (ритуал) [12, с. 1033]. В состав взнь помимо стихов и песен входили также музыка, изобразительные искусства, архитектура – «все эстетические, культурные аспекты человеческой природы. Искусство имеет власть освобождать душу и поднимать человечность на высший уровень» [5, с. 93]. Поэтому Конфуций широко использовал его в своей педагогической деятельности. Перебирая струны лютни, он нередко напевал отобранные им песни из «Ши-цзин», а кроме того и сам сочинил «мелодию для лютни Цзоу» [8, с. 431]. Сохранился ряд картин, написанных художниками различных эпох на темы, завещанные Конфуцием. В их числе: «Ученые мужи в саду» (художник Хань Хуан, VIII в.); «Слушая игру друга на лютне» (художник Чжан Лу, XV в.); «Созерцающая антикварные предметы» (художник Ду Цзинь, XV в.) и др.

Взнь в сочетании с ли «помогает культивировать гармонию и укреплять добродетель» [5, с. 93]. Само же понятие «взнь» имело у Конфуция смысл духовной, гуманистической культуры, запечатленной в слове, книжности, учености, а также в практике гуманистического просвещения [см.: 11, с. 38; 12, с. 1034, 1035]. В этой практике гармонично сочетались приобретенная культурность (взнь) и естественные свойства человеческой природы (чжи). Только такое сочетание способно воспитать цзюнь-цзы – человека высших достоинств и добродетелей. «Если в человеке естественность превосходит воспитанность, он подобен деревенщине. Если же воспитанность превосходит естественность, он подобен ученому-книжнику». Ни первый, ни второй вариант Конфуция не устраивают, ибо в благородном муже воспитанность и естественность должны уравнивать друг друга (Лунь юй. 6, 17).

Современная китайская культура не является чисто конфуцианской. В нее органично вошли и некоторые другие религиозно-философские учения, прежде всего даосизм. Основатель даосизма Лао-цзы не разделял взглядов Конфуция. По преданию, они встречались, но результаты этой встречи оцениваются весьма противоречиво. Так А.А. Гусейнов полагает, что на прощание Лао-цзы дал Конфуцию наставление, суть которого состояла в следующем: «Быть скромным, не осуждать других, а в делах не помышлять только о себе» [11, с. 25]. В.В. Малявин передает совет Лао-цзы словами, более близкими к учению даосов: «Всякий, кто судит, неизбежно ошибается. Всякий, кто пытается понять, не постигнет истинного смысла сказанного <...> почтительный к старшим не стремится быть впереди всех...» [6, с. 103]. По версии И.А. Мусского, Лао-цзы «осудил самомнение и пустые мечты» Конфуция [7, с. 32].

Различие и в то же время определенное сходство идей конфуцианства и даосизма позволяет выявить анализ основных составляющих их идеалов совершенного человека. Они представлены на рисунке 1.

№ п/п	Цзюнь-цзы – благородный муж	Шенжэнь – совершенномудрый, человек высшего дао и дэ
1.	Обладает жэнь и стремится к ее реализации в различных сферах жизнедеятельности; следует человеколюбию, даже терпя неудачи.	Не осуществляет добрые дела и потому добродетелен, бездействен, ибо действует посредством недеяния (у-вэй), являясь человеком высшей гуманности.
2.	«Думает о девяти вещах: о том, чтобы видеть ясно; о том, чтобы его лицо было приветливым; о том, чтобы его поступки были почтительными; о том, чтобы его речь была искренней; о том, чтобы его действия были осторожными; о необходимости помнить о последствиях гнева; о необходимости помнить о справедливости; о возможности всегда приносить пользу».	Берет существенное и оставляет ничтожное; узнав о Дао, стремится к его осуществлению; видит естественное Дао, не выглядывая из окна; не ходит, но познает; не видя вещей, называет их; не действуя, творит; не знает усталости, ибо свободен от желаний и страстей; совершенно гармоничен.
3.	Ведет себя с достоинством.	Начинает дело не с великого и, тем самым, завершает великое дело.
4.	Умерен в еде, не стремится к удобству в жилье, расторопен в делах, сдержан в речах, любит учиться.	Воздержание является его главной заботой; оно называется усовершенствованием дэ.
5.	Чтобы усовершенствовать себя, сближается с людьми, обладающими правильными принципами.	Справедлив и не отнимает ничего от другого; бескорыстен и не вредит другим; правдив и не делает ничего плохого; светел, но не желает блеснуть.
6.	Прежде осуществляет задуманное, а потом уже говорит об этом.	Следует естественности вещей и не осмеливается действовать самостоятельно; относится к делу, как к трудному, поэтому не испытывает трудностей.
7.	Ко всем относится одинаково и не проявляет пристрастия.	Учится у тех, кто не имеет знаний; идет по тому пути, по которому прошли другие.
8.	Не соперничает ни с кем, кроме тех случаев, когда участвует в стрельбе из лука.	Отвечает на ненависть добром; постоянно умело спасает людей и не покидает их; никого не порицает.
9.	Поступает так, как велит долг, не выделяя в Поднебесной одни дела и пренебрегая другими.	Ничего не имеет и потому ничего не теряет.
10.	Думает о морали и о том, как бы не нарушить законы; вежливо, по ритуалу обходится с людьми.	Осуждает злые поступки; живет в мире спокойно и в своем сердце собирает мнения народа.
11.	Заботится о народе, использует народ на общественных работах должным образом; благосклонен к простым людям и обходится с ними справедливо.	Човеколюбив, поэтому может быть храбрым; бережлив, поэтому может стать щедрым; не смеет быть впереди других, поэтому может стать умным вождем.
12.	Помогает людям не тогда, когда они богаты, а когда бедны.	Не борется, благодаря чему он непобедим в мире; люди с радостью его выдвигают и от него не отворачиваются.
13.	Многому учась из книг, ограничивает себя правилами этикета и не изменяет принципам.	Не имеет собственного сердца; его сердце состоит из сердец народа.
14.	Его нельзя склонить к измене долгу; ему нечего стыдиться за свои поступки, поэтому он не печалится и не испытывает страха.	Ставит себя позади других, благодаря чему оказывается впереди; пренебрегает своей жизнью и тем самым его жизнь сохраняется.
15.	Помогает людям свершать красивые дела; завязывает с помощью учености дружеские связи, а дружба помогает ему утвердиться в человечности; держит себя с величавым спокойствием и не зазнается; почитает добродетель.	Зная себя, себя не выставляет; в отношении с людьми дружелюбен, в словах – искренен; в делах исходит из возможностей; в действиях учитывает время; не считает правым только себя, поэтому может обладать истиной; помнит, что стремясь к малому, достигнет многого.
16.	Имеет три моральных принципа: «Обладая человеколюбием, он не печалится; будучи мудрым, он не сомневается; будучи смелым, он не боится».	Бездействен и потому не терпит неудачи; подобно воде не борется с вещами, поэтому не совершает ошибок.
17.	Скромнен в словах; правдив в поступках; предъявляет требования к себе; держит себя строго, но не устраивает споров с людьми; умеет быть в согласии со всеми; думает о правильном пути; тверд в принципах, но не упрям.	Стремится к тому, чтобы сделать жизнь сытой, а не к тому, чтобы иметь красивые вещи; не прославляет себя, поэтому имеет заслуженную славу; не возвышает себя, поэтому он старший среди других; ничего не накапливает; все делает для людей и все отдает другим.

Рисунок 1 – Конфуцианский и даосский идеалы совершенного человека

Несмотря на существенное различие позиций двух мудрецов, их объединяет прежде всего гуманность, любовь к людям, стремление к добродетели («дэ»), поиск правильного пути, непритязательность в личной жизни. Даосский призыв к естественности, следованию Дао, ненасильственному отношению к окружающему миру в наши дни стал составной частью учения неоконфуцианцев, а гуманистическая педагогика Конфуция по-прежнему остается востребованной.

Библиографический список

1. Кива А. Чем мы не китайцы / А. Кива // Наука и религия. — 2008. — № 9. — С. 23–26.
2. Переломов Л.С. Предисловие / Л.С. Переломов // Беседы и суждения Конфуция. — СПб.: ООО «Издательство «Кристалл»», 1999. — С. 10–11.
3. История китайской философии: пер. с кит. / общ. ред. и послесл. М.Л. Титаренко. — М.: Прогресс, 1989. — 552 с.
4. Беседы и суждения Конфуция. — СПб.: ООО «Издательство «Кристалл»», 1999. — 1180 с.

5. Симпкинс А.С. Конфуцианство / А.С. Симпкинс, А. Симпкинс. — М.: ООО Издательский дом «София», 2006. — 192 с.
6. Малявин В.В. Конфуций / В.В. Малявин. — М.: Мол. Гвардия, 1992. — 335 с.:
7. Мусский И.А. 100 великих мыслителей / И.А. Мусский. — М.: Вече, 2000. — 688 с.
8. Сыма Цянь. Старинный род Конфуция / Цянь Сыма // Конфуций. Изречения. Книга песен и гимнов: пер. с китайского / Конфуций. — Харьков: Издательство «Фолио», 2002. — 447 с.
9. Рыжов К.В. 100 великих пророков и вероучителей / К.В. Рыжов, Е.В. Рыжова. — М.: Вече, 2002. — 544 с.
10. Мудрецы Поднебесной: сб. / Лао-цзы. «Дао дэ цзин»; Конфуций. «Лунь юй»; Мо-цзы. «Мо-цзы»; Мэн-цзы. «Мэн-цзы»; Чжуан-цзы. «Чжуан-цзы»; Сюнь-цзы; Хань Фэй. — Симферополь: Реноме, 1998. — 384 с.
11. Гусейнов А.А. Великие моралисты / А.А. Гусейнов. — М.: Республика, 1995. — 351 с.
12. Конрад Н.И. Очерк древней китайской литературы / Н.И. Конрад // Беседы и суждения Конфуция. — СПб: ООО «Издательство «Кристалл»», 1999. — С. 1022–1040.

Поступила в редакцию 13.01.2009 г.